

К ИСТОРИИ ОНЕГИНСКОЙ СТРОФЫ

Обобщая изыскания многих ученых-стиховедов, анализировавших Онегинскую строфу, Б. В. Томашевский писал: «...по отношению к Онегинской строфе никакой традиции поиски не обнаружили. Подобной строфы еще не найдено ни в русской, ни в западной поэзии, предшествующей Пушкину. Искали эту конфигурацию рифм не только в строфических формах, но и в произведениях астрофического четырехстопного ямба... Между тем, до сих пор ни в пределах собственного творчества Пушкина, ни за его пределами подобной конфигурации стихов не найдено»¹. И далее: «Таким образом, можно считать Онегинскую строфу совершенно оригинальной».

Воистину это так, строфа вполне оригинальная, но, как и многие действительно самобытные формы стиха, она возникла не на пустом месте, не вне литературной традиции, как западноевропейской, так и русской. И не удавшиеся в прошлом поиски этой традиции не дают оснований отрицать ее вовсе.

Напомним: одним из особенно любимых Пушкиным поэтов XVIII в. был Парни. В его поэме «Война богов» есть такие стихи:

...Se rapprochaient: une ivresse fatale
Dans tous leurs sens allume les desirs;
Et de Thais l'haleine virginale,
Et d'Elinin les innocens soupirs,
Sont confondus: la volupté timide,
Et la langueur, et le baiser humide,
Ouvrent déjà leurs lèvres... Par bonheur
Pour eux, pour moi, pour le sage lecteur,
Une coq chanta: le fracas du tonnerre
N'eut pas produit un effet plus certain.

---

¹ Б. В. Томашевский. Стих и язык. М.—Л., 1959, стр. 324.

Ce triple cri leur rappelle soudain
Le reniment du coupable Saint Pierre,
Et le remords que porta dans son coeur
Du coq hébreu le chant accusateur².

Нетрудно заметить, что эти стихи рифмуются по формуле абабввггдеедждж, т. е. точно так же, как Онегинская строфа. Конечно, это чистая случайность. Поэма Парни астрофична, в ней встречаются рифмы перекрестные, опоясывающие, парные, причем сколько-нибудь строгий порядок их чередования отсутствует. Однако все это создает довольно надежные предпосылки для того, чтобы в таком «беспорядке» рифм где-нибудь да промелькнули знакомые нам строфические контуры «Онегина». И хотя «Война богов» выдержана в стихотворном размере, очень далеко от русского четырехстопного ямба, которым писал свой роман Пушкин, — тождественность в конфигурации рифм приведенного отрывка и Онегинской строфы очевидна. Интересно, что в русском новейшем переводе Парни В. Г. Дмитриева, где конфигурация рифм не воспроизводится точно в том порядке, какой дан в оригинале, «Онегинская строфа» в месте, соответствующем цитированному отрывку, отсутствует, зато она — совершенно произвольно — появляется в другом месте³, где ее как раз, в соответствии с подлинником, не должно быть. Разумеется, было бы ничем не оправданным педантизмом упрекнуть за это нашего пе-

² «La guerre des dieux; poeme en dix chants». Par Evariste Parny, An VII, 1799, p. 137—138.

Приводим эти стихи в нашем переводе, передающем соответствующую конфигурацию рифм:

Пыл страсти, опьянение роковое
Овладевают чувствами врасплох;
Дыхание Таисы молодое
И Элинина непорочный вздох
Уже слились: и робкий зов желаний,
И трепет неги, и огонь лобзаний
Отверз уста им... К счастью для них,
Для вас, читатель, для меня — в сей миг
Петух пропел: так грома бы раскаты
Не потрясли их, прыгнувших с одра,
Как о грехе отступника Петра
Вещавший крик, раздавшийся трикраты.
Он совесть мучил и в сердца проник,
Он обвинял, петуший этот крик.

³ См. Эварист Парни. Война богов. Л., 1970, стр. 57.

реводчика, труд которого заслуживает самой высокой оценки.

Парни, естественно, не единственный предшественник Пушкина в области, интересующей нас. Назовем имя другого поэта, на этот раз величайшего поэта Европы, произведения которого автор «Онегина» любил больше, чем чьи-либо: Байрон! Вот 14 строк из его поэмы «Абидосская невеста», написанная, что особенно интересно, четырехстопным ямбом:

So lovelily the morning shone,
That — let the old and weary sleep —
I could not; and to view alone
The fairest scences of land and dcepr,
With none to listen and reply
To thoughts with which my heart beat high
Were irksome — for whate' er my mood,
In sooth I love not solitude;
I on Zuleika's slumber broke,
And, as thou knowest that for me
Soon turns the Haram's grating key,
Before the guardian slaves awoke
We to the cypress groves had flown,
And made earth, main, and heaven our own! ⁴

Это ведь тоже Онегинская строфа. Формула конфигурации рифм — та же. Кстати, «Абидосскую невесту» в 1826 году перевел на русский язык И. И. Козлов, уже к этому времени знакомый, по-видимому, с первыми главами «Онегина». Передавая приведенные строки Байрона, он изменил порядок рифм, но, как и в отмеченном выше случае с современным переводчиком Парни, воспроизвел Онегинскую строфу в другом месте (часть 2,

⁴ Перевод этих строк (наш), передающий конфигурацию рифм, — следующий:

Столь сладостно рассвет сиял —
Кто стар и слаб, пусть мирно спит,
А я не мог; меня смущал
Полей и волн роскошный вид:
В ответ не слышно ничего
Стенаньям сердца моего —
Томительно и тяжко мне
С собою быть наедине.
И я Зулейки сон прервал,
Войдя в гарем; в замке, скрипуч,
Мне путь открывши, щелкнул ключ,
Я с нею в рощу убежал,
Пока дремал твой верный страж,—
И весь цветущий мир стал *наш*.

глава 24, от стиха «И он как вихрь на склон прибрежный» до «Летят на белых парусах»⁵, где в оригинале у Байрона нет Онегинской строфы. Заметим попутно, что в поэме Байрона «Паризина» имеется своеобразный вариант «испорченной» Онегинской строфы — с «лишним» (искажающим формулу) стихом в ее середине: IX главка поэмы.

Кстати, Козлов, упомянутый здесь как переводчик Байрона, и в своих оригинальных стихах использовал форму Онегинской строфы. В этой связи можно сослаться на его поэму «Наталья Борисовна Долгорукая» (часть вторая, начало 12-й главки). Поэма написана в 1827 году, но и в ранних стихах Козлова встречается нечто аналогичное. Так, в стихотворении «К другу В. А. Ж.» предположительно датированном 1822 годом, есть в одном месте «Онегинская» конфигурация рифм: от стиха «Я слышу дивный арфы звон» до стиха «Рассказ деяний знаменитых». Правда, здесь Онегинская строфа имеет как бы «перевернутый» вид: там, где известной нам формуле соответствовал бы женский стих, у Козлова дан мужской, и наоборот — аБаБвГГдЕЕдЖЖ «вместо» АбаБВВггДееДжж (где строчная буква означает мужской стих, прописная — женский). Впрочем, сам Пушкин — в схематическом наброске, намечающем строфическую форму задуманного романа в стихах, цифрами и двумя-тремя словами по-французски не указал порядок расположения мужских и женских рифм⁶. Пушкинской схеме, таким образом, в равной мере соответствует любая строфа из «Онегина» и указанное место из стихотворения Козлова.

Подобные «перевертыши» Онегинской строфы отмечены нами и в поэме Пушкина «Руслан и Людмила»: от стиха «Ты, слушая мой легкий вздор» до стиха «Не шевелится шлем косматый!», от стиха «Бледнела утренняя тень» до стиха «И видят: в поле меж врагами...» (песнь шестая). Но, что еще более интересно: в «Руслане и Людмиле», написанной в 1820 году, т. е. за три года до начала работы над «Онегиным» — есть и Онегинская строфа в «чистом» виде, с правильным порядком женских и мужских рифм.

⁵ И. И. Козлов. Полн. собр. стихотворений. Л., 1960, стр. 366.

⁶ См. Б. В. Томашевский. Стих и язык, стр. 294, 295

За отдаленными горами
Нашли мы роковой подвал;
Я разметал его руками
И потаенный меч достал.
Но нет! судьба того хотела:
Меж нами ссора закипела —
И было, признаюсь, о чем!
Вопрос: кому владеть мечом?
Я спорил, карла горячился;
Бранился долго; наконец,
Уловку выдумал хитрец,
Притих и будто бы смягчился.
— Оставим бесполезный спор,—
Сказал мне важно Черномор...

(песнь третья)

В «Полтаве» — Пушкин ко времени работы над этой поэмой владел формой Онегинской строфы уже в совершенстве — такие конфигурации встречаются чаще. Укажем в песни первой отрывки от стиха «Покрыв семью свою позором» до стиха «Как некий дух, ему она...», от стиха «Он, думой думу развивая» до стиха «Гнушась мнимой клеветой», в песни второй — от стиха «И с сокрушением сердечным» до стиха «Я отвечал уже: ступай...», в песни третьей — («перевертыш») — от стиха «Смущенный взор изобразил» до стиха «Отряды конницы летучей».

Известно немало подражаний пушкинскому роману «Евгений Онегин». В некоторых из них соблюдена форма Онегинской строфы: такова лермонтовская «Тамбовская казначейша», известная пародия Д. Д. Минаева. В ряде же случаев сознательная ориентация на «Онегина» не связывала русских авторов необходимостью придерживаться пушкинской строфической формулы. Напомним о поэме А. И. Полежаева «Сашка», в которой есть явные реминисценции из «Онегина», но нет онегинской строфики, или о пародии неизвестного автора, которая называется «Иван Алексеевич, или Новый Евгений Онегин»⁷.

Однако пародии и подражания — не столь уже интересный для нашей темы материал, поскольку выявление в нем Онегинской строфики требует не специального исследования, не поиска, а всего лишь беглого взгляда

---

⁷ Русская стихотворная пародия (XVIII — начало XX в.). Библиотека поэта. Л., 1960, стр. 307, 308.

да: имеется или отсутствует в данном памятнике данная строфа. Другое дело — произведения, которых соотнесенность с пушкинским романом не дает о себе знать явно. Случаи использования в них Онегинской строфы представляют особый интерес. Подчас в таких произведениях Онегинская строфа как бы замаскирована, причем способы и приемы маскировки могут быть самыми различными. Приведем несколько примеров из поэзии послепушкинской поры.

В 1846 году написана, а в 1859 году напечатана поэма Н. М. Языкова «Липы». Она вся состоит из Онегинских строф, однако, выдержана в размере не четырехстопного, а пятистопного ямба. «Лишняя» стопа в каждом стихе влияет на общее впечатление и делает почти незаметным строфическое сходство «Лип» с «Онегиным». К тому же Языков не во всех случаях обособил свои четырнадцатистишия в виде отдельных абзацев, а в одном случае даже выделил в качестве абзаца всего три стиха, что совсем уж затемняет «внешнее» строфическое сходство его поэмы с пушкинским романом.

Огарев вторую главку поэмы «Тюрьма» начал «перевертышем» Онегинской строфы того же типа, какой мы наблюдали в раннем стихотворении Козлова и в «Руслане и Людмиле» Пушкина: от стиха «Широкий, плоский двор. Кругом...» до стиха «Нет! Век солдата не отраден!» Возможно, это и чистая случайность.

Наконец, как особенно любопытный факт, отметим в стихотворении Некрасова «Поэт и гражданин» наличие замаскированной Онегинской строфы (вернее — ее знакомой уже нам модификации аБаБввГГдЕЕдЖЖ), мотивированное отчасти тем, что Поэт, герой некрасовского стихотворения, ссылается на стихи Пушкина (хотя и не на «Онегина»), видя в них образец совершенства и нравственное руководство. Вот как начинается заключительный монолог Поэта:

Не мудрено того добить,
Кого уж добивать не надо.
Ты прав: поэту легче жить —
В свободном слове есть отрада.
Но был ли я причастен ей?
Ах, в годы юности моей,
Печальной, бескорыстной, трудной,
Короче — очень безрассудной,—
Куда ретив был мой Пегас!

Не розы — я вплстал крапиву
В его размашистую гриву
И гордо покидал Парнас.
Без отвращения, без боязни
Я шел в тюрьму и к месту казни...

Маскировка весьма искусная! (Хотя, с другой стороны, Некрасов вовсе не скрыл «присутствия» Пушкина и пушкинской темы в «Поэте и гражданине»). Онегинская строфа оказалась фактически неразличимой в обратном ракурсе рифм, в ее слитности с остальным текстом и незамкнутости ритмико-интонационного периода в четырнадцатом стихе — период замыкается несколькими стихами ниже. Однако поскольку у Пушкина в «Онегине» встречаются такого же типа enjambements, то можно считать, что отмеченная некрасовская «вольность» не разрушает Онегинскую строфическую форму, а лишь способствует ее сглаживанию, делает ее незаметной.

Мы рассмотрели некоторые факты из истории Онегинской строфы, намеренно минуя самый центр этой обширной темы — роман Пушкина «Евгений Онегин», достаточно обстоятельно в этом плане исследованный. Нас более интересовало то, что было «до» и «после». Особенно «до», поскольку, не оспаривая пушкинского приоритета в «изобретении» Онегинской строфы, представлялось в то же время необходимым сделать ряд уточнений, касающихся ее европейской предыстории, в том числе и предшествующей русской традиции.

Но, завершая эту статью, мы все-таки вернемся именно к Пушкину, к «Онегину», с той целью, чтобы сделать некоторые уточнения, касающиеся строения Онегинской строфы в пушкинском романе. Пусть это будет своего рода маленьким теоретическим приложением к нашей отнюдь не теоретико-стиховедческой (скорее историко-стиховедческой) работе. Хотелось бы указать на то, что формула, которой обычно мы пользуемся для обозначения Онегинской строфы, оправдывает себя не во всех случаях, не передает имеющих место в пушкинском тексте строфических модификаций. Согласно ей, Онегинская строфа насчитывает 7 рифм: А, б, В, г, Д, е, ж. Практически же рифм может быть меньше (одна и та же рифма может повторяться в строфе дважды). В первой главе «Онегина», состоящей из 60 строф, имеются 9 строф с шестью (вместо семи) рифмами. Конфигура-

ции их таковы: АБАБВВггДббДее (строфы XX, L, LVII). АБАБВВггДееДгг (III, XXXIII), АБАБВВггДееДбб (XXIII, XLIV), АБАБВВггДггДее (XLIX), АБАБВВббГддГее (XI). Подобные явления можно наблюдать и в других главах. Бывает, что повторяются не мужские, как в первой главе, а женские рифмы: АБАБВВггВддВее (глава третья, XXIII). И более того, нам известны случаи, когда в строфе даже не 6, а всего лишь 5 рифм: АБАБААббВггВдд (глава четвертая, XXXI и глава пятая, X). Воспроизведем тексты этих строф параллельно.

Не мадригалы Ленский пишет
 В альбоме Ольги молодой;
 Его перо любовью дышит,
 Не хладно блещет остротой;
 Что ни заметит, ни услышит
 Об Ольге, он про то и пишет:
 И полны истины живой
 Текут элегии рекой.
 Так ты, Языков вдохновенный,
 В порывах сердца своего,
 Поешь, бог ведает, кого,
 И свод элегий драгоценный
 Представит некогда тебе
 Всю повесть о твоей судьбе.

Татьяна, по совету няни
 Сбираясь ночью ворожить,
 Тихонько приказала в бане
 На два прибора стол накрыть;
 Но стало страшно вдруг

Татьяне...
 И я — при мысли о Светлане
 Мне стало страшно — так и
 быть...

С Татьяной нам не ворожить.
 Татьяна поясок шелковый
 Сняла, разделась и в постель
 Легла. Над нею вьется Лель,
 А над подушкой пуховой
 Девичье зеркало лежит.
 Утихло все. Татьяна спит.

Итак, большая половина и той и другой строфы строится на повторяющихся рифмах: АБАБААбб... Если не столь устойчивые повторения рифм в строфах первой главы еще допустимо было бы объяснить чистой случайностью (мол, «недорассчитал» Пушкин), то здесь уже, очевидно, вполне сознательное нагнетение идентичных созвучий, тем более, что в качестве рифмуемых фигурируют порой одни и те же слова: *пишет* — *пишет*, *ворожить* — *ворожить* — явление тавтологической рифмы.

А бывает, что и нет тавтологической рифмы, и даже вообще никакой рифмы (разумеется, там, где ей и не положено быть), но в концовки стихов выдвинуты формы одного и того же слова или же слова однокорневые и потому явно созвучные: например, в пределах одной строфы — «Мы все учились понемногу» и «Онегин был по мнению многих», в пределах другой — «Высокой страсти не имея» и «Когда простой продукт имеет». Общая же формула Онегинской строфы этих оттенков не передает, не говоря уж о менее заметных и слышных звуковых со-

ответствиях. Что же делать? Отказываться вообще от формулы, третируя ее как бессильную? Нет, совершенствовать ее. Иметь в виду, что АБАБВВггДееДжж — это всего лишь контрольный ряд — и искать приемы и способы буквенного или какого-то иного кодирования всевозможных строфических модификаций. По-видимому, это и есть наиболее перспективный путь дальнейшего изучения Онегинской строфы, ведущий от общеизвестных истин в область неизведанного. И вопрос о том, как Пушкин варьировал строфические формы «Онегина», представляется нам отнюдь не менее важным (хотя и не таким щекотливым), нежели вопрос о пушкинском приоритете в изобретении Онегинской строфы, затронутый в начале нашей статьи.

ЗАМЫСЕЛ, ТРУД, ВОПЛОЩЕНИЕ...

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. В. И. КУЛЕШОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1977